

Глава 1. Увертюра: Рассыпанные красные бобы взаимной тоски

В тот день Город Чанъань замер в непривычном безмолвии. Хитросплетения городских улиц и переулков окутала серая дымка, и под пеленой моросящего дождя редкие прохожие спешили укрыться в тени домов.

Юй Цинъинь заполучил очередную крупницу искренней любви — само средоточие девичьего сердца. Из боли, проникающей в кости, и слёз тоски вызрела новая алая бусина.

Для обычного человека это был лишь простой красный боб, семя растения, но для Юй Цинъиня всё обстояло иначе. Только он один знал истинную цену этой вещицы, ведь он один обладал даром вытягивать человеческие привязанности и превращать их в плоть — в бобы взаимной тоски.

— Пусть любовь твоя обратится слезами и застынет для меня алым бобом. А взамен я дарую тебе покой и чистоту разума в грядущем, — негромко произнёс Юй Цинъинь.

Его голос, впитавший меланхолию дождя, звучал завораживающе. Мягкими, вкрадчивыми интонациями он пытался усмирить смятенный Линшэнь женщины, лежавшей перед ним. Трудно было сказать, чего в его ремесле больше: благодетельного искупления или накопления тяжкой вины.

«Любовь... — с тихой грустью размышлял он. — Что же это за чувство, ради которого люди с испокон веков готовы идти на смерть?»

Дождь, казалось, усиливался, выстукивая дробь по черепичным крышам. Уложив беспмятную женщину поудобнее, Цинъинь спрятал добычу в складках одежд. Он взмахнул широким рукавом и исчез в тумане прежде, чем она успела прийти в себя.

Когда она вновь откроет глаза, имя Юй Цинъиня навсегда сотрётся из её памяти. Всё, что связывало их прежде, условия сделки и даже глубокая привязанность к тому, кого она любила — всё это теперь умещалось в маленьком красном бобе на его ладони, ожидая своего конца.

«Красные бобы взаимной тоски растут в краю южном, с приходом весны выпуская новые ветви. Прошу тебя, собери их побольше, ведь нет в мире вещи, в которой было бы больше тоски...»

Тоска, заключённая в этом плоде, была беспредельна. А для Юй Цинъиня она была единственным способом продлить собственное существование. Он крепко сжал кулак, чувствуя, как твёрдая бусина, отнятая у другого, дарует ему право на жизнь.

«Прошлое обратилось в прах, но настоящее всё ещё можно вспомнить. Отныне ты, Юй Цинъинь, назначаешься главой павильона Юйсюань. Тебе даровано право зора на три жизни и три мира, и на тебя же возложено преступление всезнания прошлого и настоящего. Я

доверяю тебе тайны этого места; с этого момента лишь день твоей кончины станет днём твоего освобождения».

Слова, услышанные в день его пробуждения в этом мире, до сих пор звучали в ушах так явственно, словно всё случилось вчера.

«Наблюдатель» тогда объяснил: Юй Цинъинь уже стоял на пороге смерти, и если бы не чьё-то неистовое желание, отозвавшееся в стенах павильона, он бы давно покинул мир живых.

Но стоило ли благодарить того, кто обрёк его на это призрачное существование? Почему в его сердце не было ни капли признательности? Долгие дни Юй Цинъинь пытался разобраться в себе, но так и не смог понять, откуда в нём берётся эта беспричинная, глухая обида вместо благодарности.

Может быть, ему и вовсе не следовало продолжать этот путь? И уж точно не стоило возвращать воспоминания о том, что было до Нирваны.

В подёрнутых дымкой горах Цишань отзвуки прошлого таяли, точно призрачный туман. Глубокие, печальные звуки флейты сяо плыли над миром, не желая угасать; их эхо дрожало в воздухе, бесконечное и тонкое.

Пройдя через множество испытаний, восстановив по крупицам память, Юй Цинъинь наконец вспомнил ту мелодию — «Поток в лазоревом ущелье». Некто мастерски исполнял её, рисуя звуками картину свежести гор после дождя.

«Светит луна меж сосен, чистый ручей струится по камням...»

Эти образы всплывали в сознании один за другим. Он помнил их — и одновременно не помнил. Голос, звучавший из самых глубин его Линшэнь... кому он принадлежал?

«Есть красавица в мире, чьё лицо не забыть. Лишь день не увижу — и разум теряю в тоске.

Феникс в небе парит, ищет пару свою в четырёх морях. Но увы, та, что мила, не у восточной стены.

Вместо слов пусть звучит цинь, изливая на струнах печаль. Когда же ответишь мне, утолив ожиданья мои?

О, если бы добродетель твоя позволила нам сплести пути, рука об руку идти вперёд. Но коль не суждено нам летать вместе — гибель ждёт меня...»

Этот голос... Юй Цинъинь поймал себя на мысли, что по-настоящему хотел бы никогда его не

ВСПОМИНАТЬ.

<http://bllate.org/book/17464/1691646>